

Увидев Чай И в таком неприглядном виде, юноша даже не дал ему возможности объясниться. Вытащив меч, он бросился на Чай И:

— Развратник! Как ты посмел оскорбить мою младшую сестру? Сегодня я лишу тебя жизни!

Синий свет меча, обволакивающий лезвие, стремительно приближался, как молния. Чай И, не обладая боевыми навыками, не мог уклониться и в панике приготовился к схватке.

Он посмотрел на юношу, их взгляды встретились.

Юноша, видя, что Чай И стоит неподвижно, подумал, что тот оцепенел от страха, и почувствовал лёгкое удовлетворение. Лезвие его меча стало ещё острее. Однако, когда меч был уже в нескольких сантиметрах от Чай И, он встретил его взгляд и вдруг почувствовал холод по всему телу.

Перед ним стоял юноша с вертикальными зрачками, глубокими, как бездонная пропасть, таинственными и притягательными. Как только их взгляды встретились, юноша не смог отвести глаз.

Ему показалось, что он только что был на широкой лужайке, а теперь падает в бездну. Едва эта мысль возникла, юноша потерял сознание, упав на землю с мечом в руке.

— Старший брат! — крикнула девушка, бросившись к нему. Она подняла юношу и злобно посмотрела на Чай И:

— Что ты сделал с моим старшим братом?

Чай И хотел повторить трюк с ментальной силой, чтобы усыпить и девушку, но услышал крики впереди.

— Сюэтин, Цинъян!

Вскоре появились шесть или семь боевых культиваторов. Чай И не мог скрыться от такого количества мастеров, поэтому отказался от плана усыпить девушку и решил наблюдать.

Девушка, услышав голоса, ответила:

— Мы здесь!

Боевые культиваторы, судя по всему, обладали высокой силой, и в мгновение ока оказались рядом.

— Сюэтин, что случилось с Цинъяном?

Этот вопрос стал искрой, разжегшей огонь. Хань Сюэтин, не дав никому объясниться, закричала:

— Этот мерзавец что-то сделал с моим старшим братом! Он внезапно потерял сознание!

Чай И поспешил оправдаться:

— Я ничего не делал. Не знаю, что произошло. Он сам упал.

Он взглянул на камень у ног Сун Цинъяна и добавил:

— Может, он споткнулся о камень и упал.

Хань Сюэтин гневно ответила:

— Мой старший брат обладает высоким уровнем совершенствования и мастерством. Ты, наверное, использовал какую-то подлую технику, чтобы его оглушить.

— Несправедливо! — воскликнул Чай И. — У меня даже нет небесного духовного корня, и я не обладаю никакой силой. Как я мог оглушить мастера?

— Возможно, ты использовал какое-то зелье?

Чэнь Чжипин обменялся взглядом с товарищами, затем извинился перед Чай И и схватил его за запястье.

Пульс Чай И был пуст, без единого признака духовной энергии.

— Ты действительно обычный человек? — удивился Чэнь Чжипин.

Чай И моргнул, выглядя крайне невинно:

— Да, я просто обычный человек.

Чэнь Чжипин посмотрел на без сознания Сун Цинъяна, недоумевая.

Чай И также посмотрел на камень у ног Сун Цинъяна, подчёркивая свою невиновность.

Неужели старший брат действительно споткнулся о камень и упал? Но разве мастер боевых искусств может так глупо оступиться?

Чэнь Чжипин размышлял, но не мог придумать другого объяснения. Казалось, всё действительно было совпадением, хотя и маловероятным.

Он уже собирался что-то сказать, но Хань Сюэтин перебила:

— Чэнь, не верь ему! Мой старший брат не мог совершить такую глупость! Он точно использовал какую-то подлую технику!

Чэнь Чжипин склонился к тому, что это более вероятно. Он извинился перед Чай И:

— Прости.

С быстротой молнии Чэнь Чжипин схватил Чай И за руки и скрутил их за спину. Чай И даже не пытался сопротивляться, покорно позволив себя связать.

Чэнь Чжипин и его товарищи не носили с собой верёвок, поэтому использовали лиану, чтобы связать Чай И.

Связанный, Чай И не возражал, спокойно принимая свою участь. Его слабость и отсутствие сопротивления вызвали у Чэнь Чжипина чувство вины, словно он обижал беззащитного.

— Извини, придётся тебя немного подержать. Когда Цинъян очнётся и всё прояснится, мы сразу тебя отпустим.

Чай И покорно кивнул.

У него не было вражды с Сун Цинъяном, и его ментальная атака была слабой. Через полчаса тот должен был очнуться. Если Сун Цинъян окажется разумным человеком, а не самоуверенным глупцом, то его странное состояние станет очевидным, и тогда неизвестно, как отреагируют остальные.

Но Чай И не мог справиться с таким количеством людей, поэтому решил тянуть время.

— Давайте найдём тенистое место и подождём, пока Цинъян очнётся, — предложил Чэнь Чжипин.

Особенно этот юноша, хрупкий и без сил, мог пострадать от солнца. Если Цинъян очнётся и окажется, что это недоразумение, то вина за возможную болезнь Чай И ляжет на них.

Их семья Хань, хоть и не была великой, придерживалась принципа не обижать слабых.

Один из товарищей поднял Сун Цинъяна и отнёс в тень. Хань Сюэтин, полная тревоги, последовала за ним, не забыв злобно посмотреть на Чай И.

Чай И лишь вздохнул.

Чэнь Чжипин извинился:

— Пойдём.

Чай И покорно кивнул и добавил:

— Уважаемый мастер, не могли бы вы поднять для меня алхимическую печь?

Хань Сюэтин появилась так внезапно, что Чай И успел только вынуть пилюли, но не убрал печь. К счастью, он успел спрятать пилюли, иначе ему пришлось бы объяснять, как он, человек без сил, смог их создать, что вызвало бы ещё больше вопросов.

Чэнь Чжипин наконец заметил ржавую печь и удивился. Кто бы мог так испортить алхимическую печь?

Но ещё больше его удивило, как у Чай И, человека без сил, оказалась такая вещь.

Чай И, заметив его недоумение, с грустью объяснил:

— Моя семья из поколения в поколение была алхимиками. Хотя мы никогда не достигали высоких уровней, все обладали соответствующими навыками. Только я родился без небесного духовного корня и не смог изучать алхимию. Эта печь... это всё, что осталось от моей бабушки. К сожалению, она стала такой из-за времени.

Его печальный вид говорил о том, что он был изгнанником в собственной семье, не оценённым из-за врождённых недостатков.

Чэнь Чжипин поверил ему и даже почувствовал сострадание. Однако это не помешало ему сохранить бдительность.

Даже если семья не была знаменита своими алхимиками, такие семьи всё равно обладали связями. Если этот юноша расскажет своим родным, что его обидели, это может вызвать

проблемы для их семьи.

Чэнь Чжипин осторожно спросил:

— Могу я узнать, из какой вы семьи?

Чай И намеренно изобразил себя изгоем:

— Лучше не говорить. Мой отец запрещает мне использовать имя семьи. Даже на мероприятиях меня обычно прячут, чтобы никто не знал.

— К тому же, если он узнает, что я опять попал в неприятности, то заставит меня стоять в храме предков.

<http://bllate.org/book/16366/1480160>